

Следующим утром, как и ожидалось, до самого их ухода Линху Фэн так и не появился. А Цзю переправил их двоих на небольшой лодке из долины, не сказав на прощание ни единого слова. Проводив Лоу Цинкуна и его спутника до берега, он развернул лодку и тут же уплыл обратно.

Лоу Цинкун стоял на месте и молча смотрел, как суденышко скрылось в темном зеве карстовой пещеры. Стоявший рядом Лао Байвэй раздраженно и злобно фыркнул: — Какой-то слуга, раб бесправный, а нос задирает выше всех! Мало того что рожа страшна до жути, так еще и вечно ходит с мрачной физиономией.

С этими словами он с утрированным видом поежился, но, поскольку настроение у него сегодня было неплохое, развивать эту тему не стал. Вместо этого он радостно закрутил головой, с любопытством озираясь по сторонам.

Когда он только попал в этот мир, ему пришлось в спешке спасти главного героя, а затем пускаться в бега, одновременно повышая благосклонность этого самого главного героя. Последовавшие за этим три года прошли в полной изоляции от внешнего мира, и у него совершенно не было возможности толком повидать этот мир. Мысль о том, что теперь он обладает боевыми искусствами и скоро отправится странствовать по миру цзянху, заставила его — закоренелого домашнего слабака-одома — почувствовать прилив горячей, взбудораженной крови.

Вот только в реальности всё обстояло иначе. Поскольку душа Лао Байвэя принадлежала человеку из современного мира, причем такому, который никогда не изучал анатомию человека, меридианы и акупунктурные точки, осваивать внутреннюю энергию — вещь, совершенно непостижимую и, с точки зрения современного человека, являющуюся чистой водой бредом, — было невероятно трудно. К счастью, прежний владелец тела происходил из знатного рода. Хотя с детства он и не утруждал себя учебой, за десяток с лишним лет в нем все же скопилось немного внутренней энергии, так что теперь его вполне можно было назвать мастером третьего ранга. Ну а если прибавить к этому его абсолютную никчемность... э-э, сможет ли он вообще защитить себя? Наверное?

Лоу Цинкун бросил на Лао Байвэя глубокий взгляд, затем, не говоря ни слова, поднял голову, чтобы сориентироваться на местности, и уверенно зашагал вперед, покидая эти места. Стоило ему только уйти, как он тут же начал тосковать по Наставнику: нужно было побыстрее вернуться, перекинуться словом со старшей сестрой и сразу же направиться обратно. Что же касается данного ранее обещания прославиться в цзянху и возвеличить имя своей секты, то Лоу Цинкун твердо решил: в следующий раз, когда он вернется, он непременно уговорит Наставника уйти вместе с ними. Наставник ведь так любит мясо! Если он раздобудет в странствиях побольше диковинных и изысканных лакомств, то точно сможет уговорить Наставника отправиться с ним!

Заметив это, Лао Байвэй беззаботно поспешил следом. За последние годы он не впервой отпускал подобные колкости в адрес А Цзю. Раньше Лоу Цинкун точно так же хранил молчание, поэтому Лао Байвэй даже не думал, что его слова звучат как-то чересчур резко.

В оригинальном тексте об этом персонаже по имени А Цзю не было ни слова — судя по всему,

он являлся самым обыкновенным слугой. Но мало того, что А Цзю вечно ходил с мрачной миной и лицом, исполосованным шрамами, словно по нему ползала сотня сороконожек, так он еще за все эти годы ни разу не выказал должного почтения к своему положению: он даже палец о палец не ударил, чтобы помочь ему и Лоу Цинкуну постирать вещи или убрать в комнате, а готовил еду исключительно по вкусу Линху Фэна, совершенно не считаясь с тем, что их здесь вообще-то двое.

Лао Байвэй считал, что уже одно то, что он все эти три года просто игнорировал его и жил в мире, доказывало его доброту. А вспомнив, что прекрасный Наставник всё это время держал А Цзю при себе, он утвердился во мнении, что Наставник поистине обладает золотым сердцем — с таким человеком проще всего сблизиться и завоевать его благосклонность!

Поскольку эти места были глухими и безлюдными, дорог здесь не существовало. К счастью, память у Лоу Цинкуна от природы была отменной, а чувство направления — просто безупречным. Хотя три года назад, спасаясь от преследования злобной Мин Мэн, он думал лишь о том, как унести ноги, дорогу он все же запомнил. Пройдя всего полдня пути, они отыскивали тропинку, которую обычно протоптали дровосеки, поднимавшиеся в горы за хворостом, и до наступления темноты успели добраться до ближайшей деревни, чтобы попроситься на ночлег.

Если подумать... Лоу Цинкун бросил странный, скрытный взгляд на шедшего несколькими шагами позади Лао Байвэя, который на ходу вытирал пот, ругался на чем свет стоит и выглядел совершенно растрепанным.

Тогда он ведь собственными глазами видел, как Лао Байвэй и Мин Мэн любезничали друг с другом, а после этого Лао Байвэй жестоко запер его в темнице и подвергал всевозможным издевательствам. Так почему же в ту самую ночь, после того как Лао Байвэй от души отхлестал его кнутом, уже на следующее утро этот человек растрепанный, в разорванных одеждах прибежал в темницу и с безумным видом принялся уверять, будто беспокоиться не о чем, и обещал вытащить его на свободу?

В памяти Лоу Цинкуна всплыло лицо Лао Байвэя в тот момент: он выглядел так, будто лишился рассудка, а в его глазах суматошно сменялись паника, возбуждение и страх... Лоу Цинкун издавна обладал чуткой чувствительностью к человеческим помыслам — будь то добро или зло. Когда-то, когда его, разъяренную, преследовала Мин Мэн, Лао Байвэй неотступно следовал за ним: хотя лицо его было осунувшимся, в глазах никогда не читалось истинной паники — казалось, по какой-то неведомой причине он был непоколебимо уверен, что с ним ничего не случится. Тогда Лоу Цинкун еще раздумывал, не затевают ли эта злая девчонка и её сообщник Лао Байвэй какие-то новые интриги. Позже, когда он сам решительно бросился со скалы, Лао Байвэй неожиданно последовал за ним без малейших колебаний, и Лоу Цинкун признавал, что в тот момент был глубоко потрясен и тронут. Только...

Лоу Цинкун вспомнил, с каким необъяснимо раздражающим, алчным вожделением Лао Байвэй все эти годы смотрел на Наставника и как угождал ему на каждом шагу. К самому же Лоу Цинкуну он напротив, начал относиться уже не так трепетно, как прежде, лишь изредка пытаясь исподволь выведать про нефритовую подвеску, которую мать оставила ему перед смертью. Об этом знали только он сам, мать да старшая сестра, но, судя по отношениям Лао Байвэя с ними, Лоу Цинкун, разумеется, не мог и подумать, будто сестра проболталась кому-

то! Лоу Цинкун невольно должен был насторожиться: поступки Лао Байвэя казались ему совершенно нелогичными и абсурдными. Лоу Цинкун знал, что мерить таких людей мерками обычного человеческого мышления попросту нельзя.

Добравшись до селения, они остановились у деревенского старосты. Дом старосты был единственным кирпичным зданием во всей деревне, и этим они были обязаны лишь тому, что данные земли находились под юрисдикцией секты Эмэй, благодаря чему простой люд мог кое-как жить в мире и покое. Вовсе не то чтобы нынешний император Великой династии Янь был глуп и слеп, просто эти места лежали далековато от столицы. Десяток с лишним лет назад император решительно положил конец затяжным междоусобицам, длившимся больше десяти лет, и заново объединил Поднебесную. После этого всё приходилось восстанавливать из руин, но то, что за какие-то десять с небольшим лет простой народ смог обрести кров и спокойно заниматься земледелием, уже было немалым достижением.

Ночью Лао Байвэй и Лоу Цинкун улеглись на одной постели. Лао Байвэй лежал с закрытыми глазами, но зрачки его непрерывно бегали. Наконец он украдкой повернул голову и взглянул на Лоу Цинкуна, чья грудь мерно вздымалась в ровном дыхании. Мужской запах силы, исходивший от соседа, привел неопытного юнца Лао Байвэя в полнейшее смятение, и его выдохи стали заметно горячее. Вспомнив же, что вскоре должна появиться первая возлюбленная главного героя, он почувствовал легкую досаду. Подстегиваемый этой досадой, Лао Байвэй приподнялся на локте, подался вперед и при лунном свете отыскал губы Лоу Цинкуна.

Однако в самый последний миг, едва они успели соприкоснуться, Лоу Цинкун резким движением вскинул руку и яростно оттолкнул Лао Байвэя. Широко распахнув глаза в крайнем изумлении и неверии, он дрожащим пальцем указал на свалившегося на пол Лао Байвэя и на мгновение лишился дар речи.

Только что Лоу Цинкун и сам в полудреме погрузился в поверхностный сон, но стоило Лао Байвэю шевельнуться, как он насторожился, намереваясь выяснить, что же тот задумал. Кто бы мог подумать, что этот гад... что он...

Ныне прямой и неиспорченный главный герой чувствовал, как в одно мгновение рушится вся его картина мира! Разве мужчины могут заниматься... этим самым... только с женщинами? Почему же Лао Байвэй, будучи мужчиной...

Вспышкой молнии в голове Лоу Цинкуна пронеслось озарение: теперь он понял, почему в тот самый день, когда они впервые встретились, столь холодный по природе Наставник обрушил на Лао Байвэя суровое и грозное предупреждение. Понял он и то, почему все эти годы Лао Байвэй бросал такие взгляды на Наставника и то и дело пытался исподтишка прикоснуться к нему самому.

Неудивительно, что Наставник каждый раз выказывал такое отвращение и неприязнь ко всем попыткам Лао Байвэя подольститься и прикоснуться к нему, хотя к нему самому и к А Цзю Наставник никогда подобного не проявлял!

Неудивительно, что всякий раз, когда Лао Байвэй пытался закинуть руку ему на плечи, Наставник смотрел на него столь ледяным взглядом, пока тот не убирал руки.

Тогда Лоу Цинкун думал, что Лао Байвэй просто произвел на Наставника дурное первое впечатление, из-за чего тот относился к нему подчеркнуто иначе — ровно то же самое касалось и обучения боевым искусствам. Оказывается, Наставник давным-давно знал, что Лао

Байвэй... любит мужчин?!

В этот миг Лоу Цинкун ненадолго отвлекся от мыслей: как столь чистая и непорочная душа, как Наставник, могла узнать о подобном? К тому же он выказывал к этому немалое отвращение. Если подумать, при такой страсти Наставника к изысканной еде вряд ли стоило из-за одного лишь холодного нрава уходить от мира в столь юном возрасте и запирается в долине.

Уж не доводилось ли Наставнику в прошлом...

Хотя, с его-то ангельской красотой, он несомненно привлекал вожделение всяких подобных извращенцев! При этой мысли в груди Лоу Цинкуна вспыхнуло пламя — оно было куда яростнее и злее, чем только что испытанный гнев от того, что какой-то мужчина чуть его не облапал! Лао Байвэй, которого бесцеремонно смахнули с кровати, сидел на полу и растирал изнывающую от боли пятую точку, а внутри него бушующим пламенем разгоралась ярость. Подумаешь, я, великий и могучий попаданец, соизволил снизойти и поцеловать тебя, и что с того?! — злобно задрав голову, подумал Лао Байвэй, но тут же столкнулся взглядом с пылающими гневом, мрачными и зловещими глазами Лоу Цинкуна. Он вмиг сдулся, словно проколотый мяч, и неловко, с натянутой улыбкой усмехнулся. Кто бы мог подумать, что, глядя на эту угодливую и жалкую ухмылку, Лоу Цинкун взбесится еще сильнее: этот ублюдок целых три года отирался возле Наставника, пуская слюни и строя глазки именно с такой улыбкой!

Лоу Цинкун и сам в ту минуту не мог понять, вызвана ли эта буря гнева ночной выходкой соперника или же осознанием того, что этот негодяй все это время лелеял в сердце грязные мысли о Наставнике:

— Лао Байвэй, ты... ты что, любишь мужчин?! Да ты же в былые времена с Мин Мэном глаз друг с отвести не мог! А теперь вот как! Говори, признавайся, ты ведь всегда питал к моему Наставнику такие грязные, похабные мысли?! Ты, извращенец!

Лао Байвэй отреагировал на это так, будто ему наступили на хвост: он вмиг вздыбил шерсть, голос его сорвался и зазвучал фальцетом. В этом резком визге отчетливо слышался страх, и даже не столько гнев, сколько ярость от собственной беспомощности, которой он пытался прикрыть испуг:

— Любить мужчин — это значит быть извращенцем? Да, я люблю мужчин, и что с того?! Ха, это у меня-то мысли похабные? Не думай, будто я не догадывался, что ты, сопляк, сам питаешь точно такие же грязные желания к нашему прекрасному Наставнику! Найдется ли еще на свете такой ученик, который бы целыми днями только и думал, что о Наставнике, держал его в голове и в сердце, да так, что хоть хвостом за ним привязывайся?! Сам посуди: о-о-ой, стоило прекрасному Наставнику бросить лишь один взгляд или сделать малейшее движение, как ты, точно пес, высунув язык, тут же несешься к нему подавать чай, воду, вытирать пот и обмахивать веером! Спорим, самый любящий муж на свете и то ведет себя скромнее!

В реальной жизни Лао Байвэй был трусливым мужчиной, который до смерти боялся, что окружающие узнают о его ориентации, а потому вечно сидел затворником в четырех стенах, трясясь от страха. Накопившиеся в душе стресс и злобу он мог выплевывать лишь через написание сомнительных яойных романов о Мэри Сю, за что из-за начисто испорченных жизненных ориентиров неизменно получал от читателей тонны тумачков и гнилых помидоров. Но теперь, благодетельствованный небесами, он переродился здесь, да еще и заполучил столь

утонченное и прелестное тело Лао Байвэя, а потому позволил себе без всякого смущения выпустить истинное «я» на свободу, хотя на самом деле в глубине души все еще оставался зажатым и забитым трусом.

И стоило Лоу Цинкуну так прямо и бесцеремонно содрать струпья с его старых ран, как Лао Байвэй мгновенно взбесился. Забыв обо всем на свете, он просто выпаливал подряд любые ядовитые слова, какие только мог припомнить, стремясь лишь посильнее уязвить противника — казалось, стоило ему разбить оппонента в пух и прах, как он тотчас одержит победу над всем миром!

Лоу Цинкун же вовсе не подозревал, что все эти слова — лишь тщательно приукрашенная ложь. Он машинально пытался ухватиться за реплики неприятеля, чтобы найти хоть какое-то возражение, но с трепетом и ужасом осознавал: кажется... похоже, все действительно так и есть. Неужели он и впрямь испытывает к Наставнику...

В памяти всплыло то время, когда Наставник стоял под струями водопада и учил его владеть техникой в бурных потоках воды — его сильное, гладкое обнаженное тело и влажные, полупрозрачные, облепившие белые штаны. А он сам тогда никак не мог сосредоточиться на тренировках, потому что стоило ему закрыть глаза, как в голове тут же всплывали очертания безупречного, тугого торса Наставника. Той же ночью у него случилась поллюция, причем во сне он сжимал в объятиях фигуру в белых одеждах — если подумать теперь, разве это не силуэт Наставника?!

А после он то и дело ловил себя на том, что исподволь следит за каждым движением Наставника, и даже ловил себя на мысли, что описывает его словом милый — словом, которое обычно используют для девочек. И эта паника вчера, когда он узнал, что им придется расстаться, и эта тревога, и ночной поход в покои Наставника...

Все эти обрывки воспоминаний, словно видения, один за другим пронеслись в голове Лоу Цинкуна. Вспомнив, как он без малейших сомнений отдал Наставнику носившуюся им под одеждой на протяжении десятка лет нефритовую подвеску, оставшуюся от матери, Лоу Цинкун в полнейшем помутнении рассудка подумал: неужели он и впрямь такой же извращенец, который тайком вожделеет Наставника, питая к нему грязные, похабные чувства?

Разве с таким багажом у него оставалось хоть малейшее право упрекать Лао Байвэя?

Лао Байвэй вдоволь выплеснул раздражение и, заметив, что Лоу Цинкун потерял дар речи, с видом триумфатора презрительно фыркнул, поднялся на ноги, подхватил свой меч и решительно вышел за дверь, направляясь неизвестно куда. Лоу Цинкун же в этот момент утонул в потрясшем до глубины души откровения кошмаре о том, что он сам — извращенец, а потому ему было абсолютно не до того, что происходит вокруг.

Добравшись до калитки во дворе, Лао Байвэй с мрачным блеском в глазах оглянулся на погруженную во тьму комнату, где остался сидеть Лоу Цинкун, затем вскинул голову, оценивая положение луны, и мысленно прикинул время. Убедившись, что вскоре это место станет

главной целью для убийц из Демонической секты, он с довольной улыбкой удалился в сторону гор, намереваясь дожидаться, пока тяжело раненный главный герой кое-как доковыляет до вершины, чтобы прикончить его на месте!

Согласно оригинальному сюжету, деревня, где они остановились на ночлег, этой же ночью будет стерта с лица земли бойцами Демонической секты и превратится в пепел. А усадьба деревенского старосты станет главной мишенью для демонических прихвостней по той причине, что незадолго до этого семья старосты приютила у себя лазутчика, несколько лет проработавшего в стане Демонической секты и с великим трудом раздобывшего карту ее штаб-квартиры. К несчастью, стоило этому герою лишь притвориться, что он отправился на задание, и выскользнуть наружу, как он тут же передал весточку нынешнему главе союза Мин Батяню, но кто же знал, что вместо людей для встречи его настигнет погоня отступников.

Строго говоря, обладая беспощадным нравом, этот человек за несколько лет сумел занять неплохой пост в Демонической секте, и его замыслы не должны были раскрыться так легко. Откуда ему было знать, что вся беда произошла лишь потому, что, едва выбравшись на свободу, он тут же послал весточку главе союза!

Изнемогая от ран, этот человек отчаянно бежал, но у самого входа в деревню рухнул без сознания. Сельчане славились простодушием: доложив обо всем старосте, они общими усилиями выходили чужака. Увы, из-за тяжелых ранений и яда он протянул всего три дня и испустил дух, но даже перед смертью упрямо умолял старосту передать карту в руки главы союза, дабы поскорее искоренить Демоническую секту.

Поведение людей Демонической секты в те годы отличалось запредельной жестокостью и бесчеловечностью: любое несогласие с ними каралось истреблением кланов и вырезанием целых деревень. На беду, у старосты была любимая дочь, которая состояла ученицей внутренней ступени в неподалеку расположенной секте Эмэй, а потому он дал умирающему обещание, тут же отправил весточку дочери и передал ей карту, чтобы она доставила ее главе секты Эмэй, а та уж переправит ее главе союза.

На свою беду, дочь старосты уехала еще в полдень, но не успела она удалиться и на полдня пути до ближайшего города, как заметила спешащих куда-то людей из Демонической секты, причем двигались они как раз в том направлении, откуда она только что приехала. Поразмыслив над этим, девушка заподозрила неладное: а вдруг Демоническая секта уже напала на их след? Опасаясь за жизнь односельчан, она стремглав помчалась назад, надеясь опередить преследователей и предупредить людей.

Увы, угнаться за многочисленными и глазастыми приспешниками Демонической секты ей было не под силу: едва луна поднялась к самому небу, как деревню вырезали подчистую. Главный герой, остановившийся на ночлег в доме старосты, из-за нехватки боевого опыта и в одиночку не смог переломить ход событий, поэтому под конец ему оставалось лишь выполнить волю старосты — отправиться в путь, чтобы найти и защитить его дочь. Кто же знал, что дочь старосты как раз вернется назад и угодит в засаду к убийцам Демонической секты? Ему, разумеется, ценой невероятных усилий пришлось спасать девушку и уводить ее в тыловые горы. А благодаря тому, что она прекрасно знала здешние места, им удалось оторваться от погони, после чего в горной пещере они прониклись друг к другу чувствами, да так, что едва

покинув это место и продолжив путь вместе, тут же предались страсти на постоялом дворе.

А сейчас Лао Байвэй осторожно раздвигал ветки и крался вперед точно по описанию из романа: стоило ему заблаговременно добраться до той пещеры, как он сможет подстеречь их в момент полного истощения...

К счастью, побег был столь опасным и трудным, да еще и в сопровождении красавицы, что автор описал все в мельчайших деталях. Не прошло и получаса, как Лао Байвэй обнаружил искомую пещеру. Задрал голову и глядя через густые сплетения ветвей на висящую высоко в небе луну, Лао Байвэй самодовольно усмехнулся: ему уже казалось, будто он расправился с главным героем, присвоил себе все его возможности, стал победителем по жизни в этом мире, а под конец покорила прекрасного Наставника и зажил с ним долго и счастливо...

Сила целого цикла тренировок, пост главы замкнутой в горах секты Линъюэ, сокровища царства Чжао, тайные руководства по боевым искусствам, увеличивающие мощь багряные плоды, очищающая кости лазоревая трава, легендарные герои Цзянху...

Все это станет его, Лао Байвэя!

<http://bllate.org/book/21694/2237552>